

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ

МАША
ТРАУБ

Новые семейные
обстоятельства

Москва
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Оформление серии и переплета: *Александр Кудрявцев,*
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.

Т65 Новые семейные обстоятельства / Маша
Трауб. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-187087-4

Ходила гулять с палками для скандинавской ходьбы. В парке встретила группу с такими же палками. «Не хотите вступить в наш клуб "Здоровое долголетие"?» — подбежал ко мне инструктор.

Да, жизнь продолжается. В этот клуб я обязательно вступлю, но чуть позже. Пока я поменяла прическу, как и малышка Ева — дочь моей подруги. Мы обе отстригли себе челки. Еве — четыре года, мне — почти сорок семь. И я знаю, что буду делать дальше — заниматься с детьми русским языком, кормить их котлетами, смеяться, переживать за их успехи. Когда в жизни есть дети, остается желание сделать новую челку. Эта книга — об обычных желаниях каждой матери, ее тревогах, волнениях. И счастье — уснуть с малышкой, найти потерянную игрушку, сделать так, чтобы ребенок смеялся. Из кратких заметок об обычной жизни — уколов счастья и всполохов покоя — и состоит эта книга.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-187087-4

Однажды мой муж произнес замечательную фразу: «Режиссер всю жизнь снимает один и тот же фильм. А писатель пишет одну книгу, длиною тоже в жизнь».

Эта книга — скорее дневник, очень личный и искренний. В ней ничего не придумано, все честно. Герои названы своими именами — это мои подружки и их дети, знакомые, приятельницы. Через эти крошечные заметки, наблюдения, смешные диалоги я и хотела показать нашу с вами жизнь. Да, бывает страшно, часто падаешь от усталости и груза ответственности, живешь будто на автомате, попадая в день сурка. Но жизнь — очень интересное приключение. Особенно когда в ней есть дети.

* * *

Много лет назад. Я, молодой, начинающий автор, приехала на встречу с читателями. В большом зале были заняты два стула в разных углах. Две милые с виду женщины. Они что-то читали и, когда я начала говорить, посмотрели на меня с укоризной — я им явно мешала. Они хотели читать в тишине. Встреча закончилась, так и не начавшись.

Издательство выбрало для меня прекрасный отель, в самом центре. Утром я не могла избавиться от запаха плесени. Перенюхала все — постельное белье, мини-бар, но оказалось, что плесенью или тинной пахну я. Причем вся — с ног до головы, благоухаю так, будто только вылезла из болота. И никакие духи этот запах не перебивают. Я подошла к девушке на ресепшен и спросила, мол, может, что-то с водой?

— Конечно! — радостно подтвердила та. — У нас вода прямо из Невы!

— А почему я пахну канализацией? — уточнила я.

— Душ принимали? Тогда как еще вы должны пахнуть? — удивилась девушка. — Или вам что-то не нравится? — она уничтожила меня взглядом.

Тут я поняла, что да, ничего не понимаю.

Маша Трауб

* * *

Следующий приезд в Питер. Запланировано интервью. Брать его приходит женщина в перчатках-митенках и шляпке с вуалью. Ну да, день, центр города, кафе, как же без вуалетки? Отчаянно надеюсь, что дама не по мою душу, но нет, идет к моему столику. Я специально смотрю на часы — она опоздала на двадцать пять минут. Дама игнорирует намек и сразу же объявляет, что она меня не читала и читать не собирается. Спрашивает, почему я не люблю животных. Отвечаю, что люблю и даже очень. Говорит, что я не могу писать о романах, раз замужем. Отвечаю, что могу, для этого не обязательно иметь связи на стороне. Шляпка презрительно вздрагивает. Спрашиваю: с чего вы сделали такие выводы, раз не читали?

— Мне достаточно на вас взглянуть, — хмыкает дама, будто я на ее глазах поковыряла в носу и вытерла козьявку о занавеску. Видимо, отсутствие митенок и шляпки приравнивается к козьявкам.

— Простите, мне просто любопытно. Вы опоздали на двадцать пять минут и даже не извинились. Это нормально? — спросила уже я.

— Вы не понимаете и никогда не поймете, потому что вы не писатель. — Вуалетка презрительно вздрогнула.

— Ну а все же? — настаивала я.

— У нас здесь впереди вечность. Она в воздухе, — с вызовом ответила вуалетка и ушла, не попрощавшись.

Интервью, кажется, так и не вышло в печать. А я теперь говорю про тех людей, кто опаздывает, «у них впереди вечность».

Новые семейные обстоятельства

* * *

Уже в Москве. Прихожу на встречу в темных очках. Миллион раз извиняюсь, объясняю, что у меня воспаление слезных каналов. До этого несколько раз ездила на промывание. То еще удовольствие — будто тебе в мозг заливают воду. А там, в смысле в мозге, и так с утра гулкая пустота. Теперь в этой пустоте еще и плещется что-то, но явно не мозги.

Я считала, что боль в ухе — тяжело. Но нет: когда болят глаза и их хочется вынуть, прополоскать и вставить снова — вот это тяжело. На той встрече я что-то рассказывала, утирая льющисся слезы и сдерживая желание расчесать глаза.

Уже после, на выходе, слышу разговор женщин, собравшихся кружком.

— Жалко ее, — говорит одна.

— Да ладно, бухает она! — отвечает вторая.

— Может, правда глаза? — предполагает третья.

— Да, глаза и бухает, — ставит диагноз вторая.

Та же история повторилась, когда у меня начались проблемы со связками. Несколько раз выступала с больным горлом, на таблетках. Как назло — встречи одна за другой, некоторые без микрофона, приходилось чуть ли не кричать. После чего я онемела в буквальном смысле слова. Потом начала сипеть. Пошла к врачу. Несмыкание связок. Таблетки, процедуры, занятия со специалистами-фониатрами. Или — низкий голос с хрипотцой. Даже не или — все равно хрип останется. Совет — не шептать, будет хуже. Говорить как можно громче. В молодости у меня был высокий голос. На выступлениях по радио всегда

Маша Трауб

просили говорить на тон или два ниже. Высокие голоса плохо звучат в эфирах. И вот наконец я обрела голос, о котором всегда мечтала. Тот, который называется «радийный» — низкий, вкрадчивый.

— Ты болеешь? — спрашивали знакомые первое время. Потом привыкли.

— Вы простужены? — спрашивали на встречах ведущие, организаторы и прочие лица.

Мне было больно не то что говорить — даже дышать. Я не управляла собственным голосом, который мог пропасть в любой момент. До выступлений, как советовали врачи, старалась молчать. После — если бы и хотела, не могла говорить. Голос пропадал начисто. Даже издать звук была не способна. Но к этому быстро привыкаешь. На очередной встрече я заранее извинилась, если вдруг начну хрипеть, сопеть, неметь и издавать невнятные всхлипы. После услышала разговор.

— Да курит она, как сантехник, — авторитетно заявляла одна из женщин, пришедших на встречу.

Почему как сантехник, я очень хотела уточнить. Обычно говорят, «курит, как паровоз» или «как сапожник». Или пьет, как сапожник? Да, точное выражение — «пьет, как сапожник, ругается, как извозчик, а курит, как старый солдат». О чем я и сообщила женщине. Та посмотрела на меня так, будто я не просто вытерла козявку о занавеску, а съела ее.

* * *

На встречах с читателями часто спрашивают, с кем из других писателей я дружу, знакома. Всегда рассказываю эту историю.

Новые семейные обстоятельства

Прилетела в далекий северный город. Половина третьего ночи или уже утра — не знаю. В это время суток я даже не помню, как меня зовут. В принципе откликаюсь на все имена и фамилии. По идее, меня должны встречать. Рассматриваю встречающих, которых не много. А с листочком, на котором написаны две буквы — ГБ, всего один. Через полчаса в вестибюле аэропорта я и мужчина с листочком остаемся одни.

— Извините, если ваш пассажир не приехал, может, вы меня довезете? — спрашиваю я, благо знаю, в какой гостинице мне забронировали номер.

— Ну давайте. Что уж. Ждал вот одного из Москвы, так не прилетел. Хоть бы предупредил. Зря я, что ли, машину прогревал? — соглашается мужчина.

— А что означает ГБ? — уточняю я в рамках светской беседы.

— Как что? Государственная библиотека. А что еще может означать?

— Ну, например, для меня это — городская больница или гипертоническая болезнь. Еще головная боль. — В голове еще крутились гигабайты.

Я поблагодарила, решив не признаваться, что мужчина встречал именно меня, но я не догадалась.

В гостинице сонная девушка на ресепшене долго разглядывает мой паспорт, потом так же долго гипнотизирует монитор компьютера.

— На вас брони нет, — наконец говорит она.

— Как нет? Хорошо, давайте вы меня поселите без брони, а утром разберемся, — прошу я, потому что мне уже все равно. Лишь бы лечь.

Маша Трауб

— Не могу. У нас в городе проходит конференция, поэтому все номера заняты. Остался один, для Трауба.

— Это я! — восклицаю я.

— Нет, вы не Трауб. — Девушка опять сверяется с моим паспортом, где записана девичья фамилия.

— Да, верно, Трауб — литературный псевдоним. Пожалуйста, поселите меня!

— Не имею права. А если придет Трауб?

— Я вам клянусь, он не придет! Я вместо него! — чуть ли не кричу я.

— А чем вы можете доказать, что Трауб — это вы? У вас есть документ? Я думала, что Трауб — это мужчина. Я ждала мужчину. Михаила.

Организаторы действительно оставили бронь на некоего М. Трауба. И девушка представила себе Михаила. Кажется, в мыслях она уже вышла за него замуж и знала, как будут звать их будущих детей, а тут появилась я.

— Девушка, милая, ну какие могут быть документы на псевдоним? Понимаете, многие писатели, актеры, артисты работают под псевдонимами, а в паспортах у них совсем другие фамилии. Ну вот Игорь Северянин, Ильф и Петров, Демьян Бедный — это же все псевдонимы.

Девушка молчала, переваривая информацию.

— Хотите, я вам книжку покажу? Там есть моя фотография, — предлагаю наконец я.

Роюсь в чемодане и достаю книжку.

— Вообще не похожа, — сообщает мне девушка.

Тут я уже начинаю тихо подвывать. Потому что в жизни в три часа ночи я и вправду на себя не похожа, вообще никакая.

Новые семейные обстоятельства

Но, на мое счастье, девушка начинает сдаваться.

— Вы точно знаете, что Михаил не приедет? — спрашивает она меня.

— Мамой клянусь. Вот буквально сегодня его видела. Понимаете, мы, писатели, чуть ли не каждый день ходим друг к другу в гости. Михаил приходил на завтрак и сказал, что не приедет. Меня вместо себя прислал.

— Хорошо, я вас заселю, но предупреждаю, если Михаил приедет, я вас выселю!

— Не волнуйтесь, я сама выселюсь.

Утром, выйдя из душа, обнаруживаю, что фена нет. С мокрой головой спускаюсь к девушке, чтобы попросить фен. И еще вызвать слесаря, потому что батареи в северном городе — холодные. Спала в свитере. Да и сантехника нуждается в ремонте — душ плюется водой во все стороны, не попадая на того, кто стоит под ним.

— Паспорт давайте, — требует девушка.

— Зачем?

— Фен в обмен на паспорт, под залог. Такие правила.

— Девушка, у вас же есть копия моего паспорта, вы ночью сделали. И я никуда из гостиницы не денусь. У меня голова мокрая!

— Не положено. Тогда оставляйте тысячу рублей.

— Девушка, милая, давайте я высушу голову и принесу вам паспорт.

— Нет, сначала документ или деньги, а потом фен. И вообще у меня конец дня. А если отдам вам фен, то как смену передам? У меня же недочет будет! Я и так вам чужой номер отдала!

Маша Трауб

— Спасибо, — сдаюсь я, — давайте я тут прямо у вас высушусь. Под приглядом. И вы будете спокойны.

Девушка выдала мне фен — такой был еще у моей мамы. Один режим.

Если повернуть другим концом, в решетке вентилятора можно оставить полголовы — затянёт так, что не вытянешь.

— А вы настаиваете на слесаре? — уточнила она.

— Ну не то чтобы настаиваю, но очень хочется, чтобы было тепло. Может, нужно воздух в батареях продуть?

— Снега еще нет, зачем вам батареи? Никто не жалуется, а вы с утра пораньше начинаете. Никому фен не нужен, только вам. И знаете, что я вам скажу? Если бы приехал Трауб, таких бы проблем точно не было! Жаль, что он не смог и вас послал!

* * *

У каждой матери бывает состояние, хотя в этом тяжело признаться даже самой себе, когда от усталости и недосыпа способна думать на уровне инфузории-туфельки. То есть вообще никак. И хочется лишь одного — чтобы тебе сказали, что делать и куда идти. Как кто-то написал в соцсетях, хочется шоколадку, на ручки и кого-нибудь убить. Причем все одновременно. А заодно чтобы кто-нибудь принял за тебя все решения.

С каждым годом взросления детей становится страшнее. За все, каждую секунду. С годами накапливается много страхов.

Дочь Сима ушла в кино с подружкой.

Новые семейные обстоятельства

— Мам, ну восемь звонков за пять минут — это уж слишком. Я хотела фильм досмотреть, а потом в туалет ходила, — ласково упрекает она меня.

Для меня не слишком. Она взрослеет. Когда дети младенцы или ходят в детский сад — мамы бесстрашные. Поехать на другой конец города за чем-то нужным или кажущимся таковым, покормить ребенка в машине, подождать, когда он поспит в автомобильном кресле, регулируя или кондиционер, или обогрев салона — в зависимости от сезона. Заехать в магазин, еще в один. У меня теперь уже взрослый сын и дочь-подросток. А мне приходится себя заставлять доехать до ближайшего торгового центра. Потому что там срабатывает память — молодые ее лишены. И вот какая память.

В торговом центре подземная многоуровневая парковка системы серпантин. Я тут же вспоминаю, как в отпуске в южной стране на арендованной машине ехала в какой-то зоопарк. На заднем сиденье двухлетняя дочь и сын-подросток. Перед нами глохнет туристический автобус и начинает медленно скатываться вниз. Справа обрыв, слева — скала. А я — за рулем. И тоже скатываюсь вниз, чтобы автобус не впалялся в мою хлипкую легковушку. После этой истории не переношу езду по серпантинам даже на подземных парковках.

— Можешь подхватить Зою? — просит приятельница.

— Не могу, прости. Не успею, — отвечаю я.

Приятельница, не близкая, обижается. Но мы не в той степени знакомства, чтобы я начала объяснять. На перекрестке от дома приятельницы до мое-